

«Лишь только труд даёт пустыням воды»

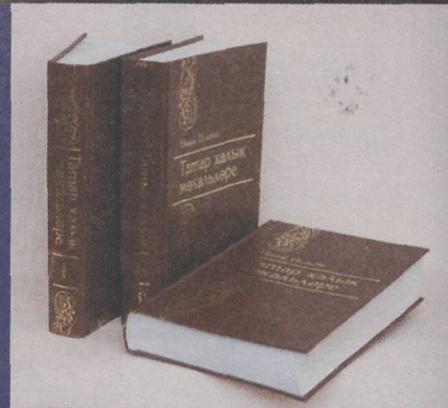
С **Юлдуз Исанбет**,
дочерью классика татарской
литературы **Наки Исанбета**,
беседует о её отце
Екатерина Пермякова

**Юлдуз
Накиевна
Исанбет** —
музыковед,
заслуженный
деятель искусств
России
и Татарстана.

— Юлдуз Накиевна, каковы были литературные пристрастия Наки Исанбета и с каких позиций оценивал он произведения своих коллег? Однажды мне довелось держать в руках книжку объёмом двести пятьдесят страниц, которая претендовала на роль энциклопедического издания, и меня поразило: карманный формат — а какая заявка! Как ваш отец мог бы отнестись к подобной претензии?

— Не знаю, что бы он сказал об этой конкретной книге, но реклама и тем более самореклама на него не повлияли бы. Он был независимым и прямым человеком и не считал, что, высказывая своё мнение, должен кому-то угождать. В оценке новых произведений татарских писателей отец был беспристрастным. Он исходил не из сиюминутных конъюнктурных соображений, а из художественного достоинства и общественной значимости произведения. При этом общественную значимость он обычно видел совсем не в том, в чём её видели, например, идеологические руководители страны: Поэтому о произведениях некото-

В начале нынешнего года Татарское книжное издательство выпустило в свет второе издание «Татарских народных пословиц» в трёх томах Наки Исанбета, предваряющееся объёмным научным исследованием. Первое издание этого труда опубликовано более пятидесяти лет назад и давно уже стало библиографической редкостью. Собрание, состоящее в целом из девятисот разделов, объединённых в двадцать три части, входит в число самых больших мировых публикаций пословиц и поговорок одного народа.

Писательство было для него не просто приятным времяпрепровождением. Он был словно присуждён к нему как к непосильной для других каторжной работе.

рых почитаемых властью писателей, ходивших в ранге литературных «генералов», и притких молодых карьеристов, рвущихся пополнить их ряды, он мог справедливо отозваться неодобрительно. Это, конечно, всегда негативно сказывалось на его собственной судьбе.

— Ваш отец преуспел во многих сферах деятельности, был также педагогом. Не мешало одно другому?

— Около двадцати лет он преподавал татарский язык и литературу. Уверена, что работа с учащимися приносила большое удовольствие

и пошла на пользу как ему самому, так и его подопечным. Но он видел своё жизненное предназначение в литературном творчестве. При этом писательство было для него не просто приятным времяпрепровождением. Он был словно присуждён к нему как к непосильной для других каторжной работе. Отец считал, что если свыше ему дан творческий дар, то, значит, на него возложены и священные обязанности. Их выполнению он и посвятил свою жизнь. Его миссия была в служении татарской литературе,

Лишь только труд — хозяин всей природы,
Лишь только труд даёт пустыням воды.
Лишь только труд — знак дружбы и согласия,
Лишь только труд — цветок коммуны, счастья.
Лишь для труда нам стоило родиться.
Эй, гражданин! Иди сюда трудиться!
Бери железо лапами клещей.
Бей молотом, бей по железу! Бей!

Наки Исанбет. В кузнице коммуны. 1921

Воспитанник
медресе
«Мухаммадия».
Казань. 1916

Ученики и учителя
4-й татарской
школы Уфы.
В центре
З. Шакиров.
Н. Исанбет
первый справа
во втором ряду.
Между 1923–1929

татарскому языку и через них, что для него было, по видимому, сверхзадачей, — татарскому народу. Он был великим тружеником и чтит труд в любых проявлениях. На протяжении всей жизни он сохранял верность высоким юношеским идеалам.

Народом отец считал простой народ. Чиновников и правителей различных эпох такой чести он не удостаивал. Советские партийные функционеры интуитивно чувствовали это и вели себя по отношению к нему соответственно. Однако даже они не могли полностью игнорировать его нравственный и творческий авторитет.

Отец считал, что по историческим судьбам народы делятся на счастливые и несчастливые. Татарский народ он относил к последним. Многовековая колониальная зависимость, национальное и нравственное угнетение, казалось бы, должны были несколько смягчиться после Октябрьской революции. И кое-что действительно изменилось. Татары получили широкий доступ к светскому, в том числе и высшему, образованию и возможность служебного карьерного роста. Но пренебрежительное отношение к татарам как нации оставалось. Выйдя за пределы чисто татарской среды, общаясь с русским и другими народами

Он хотел дать людям, живущим под гнётом сталинского режима, возможность хотя бы на время освободиться от вечного страха, расслабиться и даже улыбнуться

СССР, татары стеснялись своей национальности, скрывали её, не говорили на родном языке, заменяли свои татарские имена русскими. Они покорно несли ответственность за «татаро-монгольское иго». Другие сведения о своей многовековой исто-

рии дооктябрьского периода оказались для них под запретом. И, конечно, вместе со всеми народами страны татары испытывали глубокие нравственные и экономические страдания, причиняемые советским государством.

Отец ничего не мог сделать для изменения общего положения татарского народа. Но внести лепту, пусть и маленькую, в его духовную жизнь он мог. Он работал для того, чтобы у татар развивались национальная литература и театр и приблизилось время, когда татарская культура выйдет на европейский уровень. Он стремился воз-

действовать на душу народную, пробудить в народе гордость за себя и свою историю. Он говорил с народом не только о высоких проблемах, но и о его личной повседневной жизни, что в те годы тоже было под запретом. В произведениях отца всегда был подтекст, который народ улавливал.

А раз отец считал, что писать он обязан, то и посвящал этому всё своё время. Он постоянно сидел, как прикованный, на своём стуле, и ничего, кроме бумаги, чернил и ручки, ему не было нужно... Разве только чтобы его не беспокоили и не отрывали от работы. Вот такая целеустремлённость, несмотря на тяжёлую жизнь, болезни и бесконечное битьё сверху, и дала столь весомые творческие результаты. Отец действительно сумел сделать много. Правда, он и жил долго — почти девяносто три года, восемьдесят из которых были посвящены литературному творчеству.

— Что, на ваш взгляд, было залогом его долголетия как учёного и литератора?

— Наследственность (его младший брат прожил тоже более девяноста лет) и образ жизни. Активный труд сам по себе способствует долголетию. Во многом способствовало этому и поведение отца в повседневной жизни. Хотя отец в молодости был воинствующим безбожником, но как человек, получивший мусульманское воспитание, он не пил, не курил, не прожигал жизнь в богемных компаниях. В еде отличался умеренностью, временами увлекался вегетарианством. Мясо халяль на базаре покупали только у татар, обязательно выясняя способ забая. Продукты, в которых теоретически могла присутствовать свинина, в дом не допускались. Пища у нас была национальная. Подогретые вчерашние блюда отсутствовали, всё было свежее, готовилось на один раз. Когда не было денег, довольствовались чаем с чёрным хлебом, но суррогаты или некачественные полуфабрикаты не покупали. Всё это очень положительно отражалось на здоровье и внешнем виде членов семьи.

Не знаю, был ли отец выносливым и сильным физически. В семье он был освобождён от любой работы, требующей физических усилий, хотя в квартире без удобств её было предостаточно: вода подчас за три-четыре квартала, керосин чуть ли не на краю города, дрова в сарае на отшибе...

Правда, когда в конце войны писателям выделили участки под картофель, один раз за лето он вместе с домочадцами всё же ходил на окучивание грядок.

Когда я появилась на свет, он уже не тратил время на занятия физкультурой и спортом, хотя в молодости увлекался йогой. У него даже была большая подборка книг о разных учениях йоги, фактически запрещённых в стране в те времена. Дома часто вспоминали, как когда-то смотреть упражнения отца на лавочке в саду нашего двора собирались зеваки, осуждая: «Молится... А ещё писатель!» Но всё же отец до глубокой старости систематически занимался некоторыми водными процедурами, а также упражнениями для глаз, дыхания, против застоя крови в голове, то есть такими, которые можно делать, не вставая с рабочего стула.

Чего для укрепления его здоровья явно не хватало, так это свежего воздуха. Он неделями, а то и месяцами не выходил из дома. Иногда два-три раза за лето мы вы-

езжали на пикник на Маркиз или на Казанку. А с середины пятидесятых годов о полноценном отдыхе отец стал задумываться серьёзнее, тем более что подступали болезни, требующие регулярного санаторного лечения. Но разовых акций для поддержания здоровья явно не хватало, дачи же у нас никогда не было. В противном случае отец, наверное, смог бы прожить и больше... Сократили ему жизнь и серьёзные заболевания, особенно тяжёлая форма бронхиальной астмы, мучившей его в течение двадцати лет.

— А не мешал ли трудовой фанатизм главы семейства домочадцам?

— Конечно, в доме царили своеобразные порядки, и даже нашей терпеливейшей матери порой было невтерпёж. Когда отец работал или спал, нам запрещалось громко разговаривать, шумно играть, приводить домой друзей и отвлекать его вопросами. К матери тоже никто не приходил, а с соседями она разговаривала на лестнице. В свободное время нам оставалось только читать книги, что, в конце концов, утомляло. Хотелось бегать, двигать стулья и кричать от души, но мы понимали необходимость такого режима и старались не мешать отцу.

Признавая приоритет творческих интересов отца над другими интересами его самого или интересами остальных членов семьи, мы, однако, когда надо, умели постоять и за себя, вынуждая его вставать из-за письменного стола. Да и действительность часто надолго отвлекала его от творческой работы — на протяжении всего сталинского периода отцу приходилось вести трудную борьбу против постоянных попыток сделать из него творческого изгоя.

— Как отец участвовал в вашем воспитании?

— Мне казалось, что я расту и развиваюсь сама по себе. Читать и писать я научилась самостоятельно, сама записалась в школу. Меня никогда не наказывали и редко в чём-то упрекали, даже, например, когда в школе получала четвертные тройки по поведению. Не давали указаний, как поступать в том или ином случае. Никогда не расспрашивали о школьных делах и, тем более, не проверяли мои дневники и тетради. Наверное, родители мне доверяли и

Исанбет у гармониста
Ф. Туишева:
Г. Исанбет,
Н. Исанбет,
Туишев и другие.
27 мая 1942

Исанбет с женой
Гульсум и её
сёстрами Саидой,
Изарой и братом
Алимом

в стихийном направлении моего развития не видели ничего тревожного.

Основное бремя ухода за детьми лежало, конечно, на матери. Она была очень терпеливым, правильным и высоконравственным человеком. Её уважали даже враги отца. Она находила с ними общий язык и умела подходить к ним с каких-то человеческих позиций. На её похоронах было столько людей, сколько редко бывало даже на прощании с именитыми писателями. Надгробный памятник ей сделал Баки Урманче. Это его единственная работа такого рода. Без поддержки, помощи и преданности матери отец не смог бы сделать столько, сколько сделал.

— *Историческую судьбу татарского народа Наки-ага называл несчастливой. Будучи максималистом в стремлении к идеальному, он, конечно, глубоко страдал. Это не вело к преобладанию в его мироощущении пессимистического начала?*

— Нет! Отец никогда не склонялся перед жизненными невзгодами и ударами судьбы, не жалел себя и, тем более, не плакал. Он возмущался, негодовал и боролся, веря в свою победу. И, надо сказать, в итоге оказывался победителем. Выдержать такую жизнь, какую прожил он, мог только человек, верящий в будущее. Он мог встать над какими-то сиюминутными трагическими ситуациями и смело взглянуть вперёд. Даже если становилось невмоготу... Да, он был оптимистом. Как бы определяя наиболее существенные свойства отца, артист Габдулла Шамуков всегда с большим удовольствием цитировал слова Горького: «Я пришёл в этот мир, чтобы сопротивляться!»

Но вот в последние годы своей жизни, в начале 1990-х, отец казался мне подавленным и усталым. Я думала, это от болезни и старости, и как-то, чтобы подбодрить его, сказала: «Ну что ты грустишь? Сейчас оживилась общественная жизнь, началось движение за возрождение татарского народа». И памятуя, что в своё время он был ярким латинистом, хотя сам до конца жизни пользовался арабицей, добавила, что идут разговоры о возвращении латинского алфавита (я тогда ещё не знала, что это будет его турецкая версия). Он с досадой взмахнул рукой и отторгнул латинский алфавит как уже неуместный и, помолчав, вы-

молвил: «Жизнь моя потрачена впустую — у татарского народа нет будущего». Тогда я его не поняла. Но он, как всегда, оказался прозорливым. Всю жизнь он находился в антагонистических отношениях с советской властью и её порядками, но совершающаяся смена формации его не обрадовала. Как ни странно, в советские времена он ещё верил в возможность духовного роста татарского народа, теперь же предвидел его духовную деградацию вместе с деградацией духовной культуры страны в целом.

— *Юлдуз Накиевна, в научных кругах довелось услышать, что ваш отец долгое время «выполнял роль ИЯЛИ в одиночку»...*

— В конце пятидесятых годов отец отошёл от активного литературного творчества, сохранив интерес только к творчеству для детей, и сосредоточился на работе в области фольклора. До тех пор это было прерогативой Института языка, литературы и истории. Думаю, обращение к крупным фольклорным работам связано с тем, что с 1959 года отец становился пенсионером и мог, не заботясь о своём материальном положении, заниматься проектами, поглощающими всё его рабочее время.

Отец считал национальный фольклор одним из самых больших достояний татарского народа и относился к нему бережно. Он не спешил выдать за фольклор каждое случайное произведение, услышанное в народной среде. Литературный хлам, корявые по языку и примитивные во всех смыслах произведения, встречающиеся в фольклорных сборниках, возмущали его. Отец высоко ценил литературный дар народа и его образный язык. «Не все писатели умеют говорить так, как говорит народ!» — считал он. Нельзя же было любой вульгарный куплет, услышанный в пивной, выдавать за произведение народного творчества.

— *Так ведь жизнь народная разная... Зачем приукрашивать её?*

— Если подходить с этнографических позиций, тогда да, жизнь всякая. Но если фольклор считать произведением литературного или музыкального творчества, то и критерии отбора материала должны быть соответствующими.

Отец собирал фольклор с детских лет, интересуясь разными жанрами народного

творчества, но успел издать только афористические — пословицы, поговорки, загадки и, в какой-то мере, анекдоты, — в которых с особенной силой раскрываются богатство, острота и своеобразие татарского языка. Многолетне лелеемый замысел «Толкового словаря татарского языка» остался неосуществлённым. Наверное, если бы он начал с обработки многотысячной словарной картотеки, то вряд ли бы успел сделать ещё что-нибудь. Но двухтомный «Фразеологический словарь татарского словаря» он завершил. Жаль только, что словарь был издан с сокращениями.

Очень сложной и технически трудоёмкой оказалась работа над трёхтомником «Татарских народных пословиц». Что-

«Не все писатели умеют говорить так, как говорит народ!» — считал он. Нельзя же было любой вульгарный куплет, услышанный в пивной, выдавать за произведение народного творчества.

бы это понять, надо было, хотя бы эпизодически, наблюдать за процессом обработки материала и подготовки рукописи. Особенно за работой с карточками, сделанными из маленьких листочков слипающейся низкоккачественной бумаги, типа газетной.

По темпам ИЯЛИ на это могло потребоваться не одно десятилетие коллективной работы группы сотрудников.

Я говорю только о технической, а не творческой работе. А ведь отцу удалось сделать уникальную, не имеющую аналогов классификацию сорока трёх тысяч татарских пословиц (около пяти тысяч из них были выкинуты из издания, большей частью по цензурным соображениям) и исследовать их специфические особенности. Рискну предположить, что собрание отца входит в число крупнейших собраний пословиц одного народа. А отцовское собрание «Загадок татарского народа» (около пяти тысяч), по мнению рецензента одного западноевропейского журнала, посвящённого языку, литературе, истории и архитектуре народов Центральной Азии, является самым большим в тюркском мире.

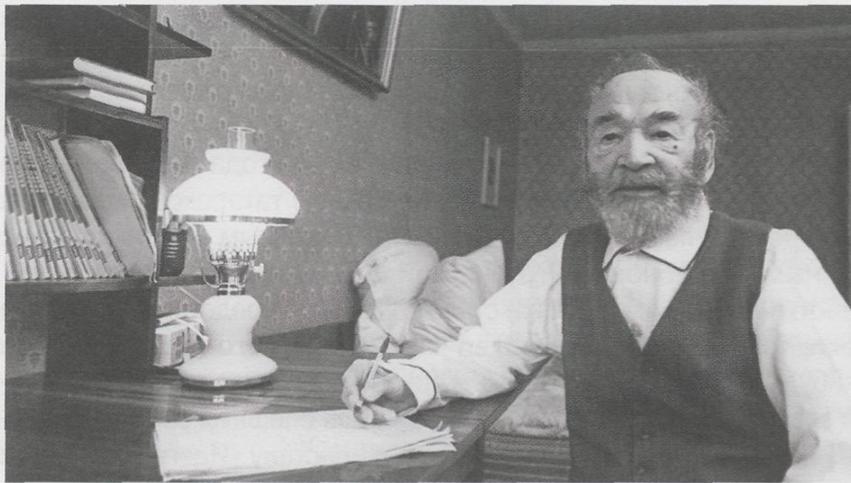
Перечисляя труды отца в области фольклора, напомним также о сборнике «Детский фольклор и сто музыкально-поэтических игр» и одной из его более ранних работ, за которую ему пришлось сильно пострадать — сводном тексте дастана «Идегей».

— *Остаётся не до конца прояснённым вопрос авторства сводного текста «Идегея». Что вы можете сказать об этом?*

— На август 1941 года было намечено проведение декады татарского искусства в Москве. Традиционным для таких декад (грузинской, армянской, казахской и других) стало помпезное представление на суд москвичей самобытного национального эпоса. Татары не хотели отставать от других и сделали два спешных заказа: отцу — на создание по дастану «Идегей» трагедии и Татарскому научно-исследовательскому институту языка и литературы — на подготовку дастана к изданию. Препятствовало делу лишь одно — отсутствие самого текста эпоса. Он существовал лишь в коротких, обычно прозаических пересказах, а не длинные стихотворные версии также включали прозаические фрагменты. Выдать это за эпос было невозможно.

Казалось бы, для отца как драматурга не было уже столь принципиальным наличие полного татарского варианта эпического сказания. Но он подготовился к своей работе основательно. Отец приобрёл и изучил изданные в те годы эпические произведения народов СССР («Калевала», «Джангар», «Давид Сасунский», «Кёр-оглы», «Манас» и другие). Среди изданий такого типа помню также «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. Не доверяя сведениям, полученным от других лиц, в поисках, возможно, сохранившихся вариантов «Идегея» он поехал в Сибирь. Кстати, встреча с героем эпоса не была для него новой — ещё в уфимский период жизни им сделана первая запись башкирского сказания «Идукай и Мурадым». В Сибири отец записал отрывки древних татарских эпических сказаний. Работая над трагедией, изучил семнадцать вариантов татарского «Идегея» и семнадцать сказаний об Идегее других тюркских народов (хорошо помню иллюстрированное крымское издание).

Вполне естественно, что его задевало отсутствие записи татарского эпоса, поэтому попутно с работой над трагедией отец начал реставрацию «Идегея» и на основе татарских источников и собственных записей сделал сводный текст дастана. В конце 1940 года он был опубликован в журнале «Совет эдэбияты». Институт же, вслед за отцом также побывавший в Сибири, с поставленной перед ним задачей не справился. Но чтобы

название института тоже как-то упоминалось на декаде, Татарский обком ВКП(б) буквально вынудил отца согласиться на то, чтобы редакторами неосуществлённого декадного издания дастана, включающего более семи тысяч строк, стали два сотрудника института.

В первые годы после смерти отца я ощущала с ним контакт. Приду на кладбище, пока убираюсь, наступает вечер, смеркается, а я не ухожу — стою. У меня появляется ощущение, что отец не то чтобы вселяется в мою оболочку, а как-то вместе со мной свободно дышит полной грудью.

Как-то раз при разговоре с переводчиком эпоса на русский язык поэтом Семёном Липкиным я упомянула, что работу над эпосом отец начинал как драматург, автор трагедии. Липкин тут же очень живо отреагировал:

«Теперь мне всё понятно! Ведь у многих народов эпос многословный, нет ему ни начала, ни конца — сплошные повторы и длинноты. Я удивлялся, почему у татар эпос такой компактный? Оказывается, его сделал драматург!»

Как известно, декада не состоялась из-за начала Великой Отечественной войны, но интерес к «Идегею» тогда ещё не угас. В это время героический эпос как жанр был востребован в принципе. К весне 1942 года Липкин закончил перевод «Идегея» на русский язык, но включали ли его тогда в книжные издательские планы, мне неизвестно. Скорее всего, пока ещё нет. А после постановления ЦК ВКП(б) о работе Татарской партийной организации, принятого в августе 1944 года, это стало невозможным. Отец был обвинён в пропаганде

«феодално-байского эпоса» и жил с этим идеологическим клеймом всю оставшуюся жизнь, пока в 1989 году его работу не опубликовали без упоминания его имени, анонимно. Словно «Идегей», как Коран, снизошёл в сознание группы деятелей, кичащихся тем, что они якобы «возвращают эпос народу», с неба.

— *Вы по-прежнему убеждены, что до сих пор живёт установка не пропагандировать фамилию Исанбета?*

— Я в этом уверена!

— *Юлдуз Накиевна, в каком состоянии находится богатый архив вашего отца? К нему есть доступ?*

— Архив, как и при жизни отца, находится в кабинете в его бывшей квартире на улице Товарищеской. Там он жил в течение последних двадцати лет своей жизни. После смерти отца там оставалась его вторая жена. Сейчас же там живет её дочь от другого брака. Она понимает важность сохранности материалов, и мы за них спокойны. Квартира эта самая рядовая, а не мемориальная. Указом президента и постановлением правительства Республики Татарстан 1992 года создание музея Исанбета в перспективе предусматривалось. Делалось ли что-нибудь в этом направлении практически или нет, мне неизвестно. Может быть, отсутствие музейного статуса квартиры это даже хорошо.

— *Разве условия в частной квартире подходят для хранения такого архива?*

— Температурного режима, естественно, нет. А где у нас есть режим? В ужасающих условиях, если верить газетам, хранятся документы в архиве Института истории. Там всё затоплено, гниёт от грибка, помещение зимой не протапливается. Архив долгие годы был закрыт для посетителей. К тому же в государственных учреждениях за пропажу и гибель документов ответственности никто не несёт.

— *А если у научной общественности, я имею в виду аспирантов, студентов-выпускников, возникнет желание поработать с ценным фактическим материалом-первоисточником, у них есть такая возможность?*

— Такого желания пока ещё никто не проявлял. А вот из Турции меня неоднократно просили о помощи. Мехмед Эр защитил в государственном университете Гази в Анкаре докторскую диссертацию, посвящённую творчеству Исанбета.

Думаю, что студентам стоило бы сначала изучить или даже просто почитать опубликованные произведения Исанбета, а затем, если возникнут вопросы, требующие архивных изысканий, мы поможем.

— Постановление правительства открывало некие горизонты для увековечения памяти Наки Исанбета и изучения его литературного и научного наследия... Что мы имеем сейчас, спустя два десятилетия?

— Когда у отца спрашивали, что он хочет получить в связи со своим юбилеем, он не просил наград, как ожидали многие, а неизменно отвечал: «Напечатайте мою книгу!» — ведь для писателя это самое важное. Увековечение типа «назвать улицу», «установить бюст», «присвоить имя» часто является не признанием заслуг, а всего лишь свидетельствует об отношении власти имущих к «увековеченному». Отмечу, что постановление носило формальный характер, его никто не спешил выполнять. Правда, некоторые пункты постановления осуществлены, но не благодаря ему, а по стечению других обстоятельств. Я никогда не поднимала этот вопрос. Мне не нравится, когда «увековечение» выпрашивают и выбивают упорные родственники.

— Когда была последняя публикация произведений Исанбета?

— За последние двадцать лет не было издано ни одной, даже миниатюрной, книжки. Нелегальные и анонимные издания я в расчёт не принимаю. И лишь только что изданные «Татарские народные пословицы» нарушили эту традицию.

— Жизнь Наки Исанбета наполнена смыслом и продуктивна. Эта продуктивность возможна тогда, когда человек умеет восстанавливать внутренние ресурсы. А творческому человеку это просто необходимо. Как ваш отец отдыхал?

— Мне кажется, писатель, обуреваемый творческими замыслами, не может

отдыхать от работы. Даже если он отойдёт от письменного стола, мозг всё равно будет нацелен на своё. При очень сильном утомлении отец, если мог заснуть, много спал, на какое-то время давая покой и мозгу. Наверное, перебивать нацеленность на работу способен сильный голод. Но отец нередко часами не шёл к обеденному столу, обрекая на голод нас, — мы не привыкли и не хотели садиться за стол без него. А вот когда замысел наконец-то находил своё воплощение в тексте и больше его не мучил, он мог позволить себе расслабиться. В такие моменты он испытывал большой душевный подъём, особенно если был доволен результатом. Становился энергичным, бодрым, счастливым. Его лицо лучилось. Он, наконец, вглядывался в окружающих, становился исключительно коммуникабельным, заражая всех своим настроением. Творческое безделье могло продолжаться несколько дней, но вскоре им завладевали новые творческие идеи.

Отец был очень обаятельным человеком и блестящим оратором. Поэтому он мог держать любую аудиторию, подчинив её своей воле. Сведущие в этой области люди говорили мне о мистической силе его воздействия на окружающих. Я скептически отношусь к этой теме, но, в конце концов, чуть-чуть стала в это верить, тем более что отец в молодости действительно увлекался теософскими учениями и магией, а названия ряда книг по этим вопросам, имеющихся в его библиотеке, стали известны в нашей стране только в постсоветское время.

В первые годы после смерти отца я ощущала с ним контакт. Приду на кладбище, пока убираюсь, наступает вечер, смеркается, а я не ухожу — стою. У меня появляется ощущение, что отец не то чтобы вселяется в мою оболочку, а как-то вместе со мной свободно дышит полной грудью, через меня воспринимает земной мир, любит деревьями, солнцем; общается или сливается с природой. Я стою час, стою два. Солнце заходит, кругом пустынно и тихо. Только вороны кричат. Я направляюсь в обратный путь. Дохожу до кладбищенских ворот, и какая-то сила поворачивает меня обратно. Мне кажется, я не достояла, что он ещё не дообщался с этим миром, а я ведь не скоро приду сюда вновь. И я возвращалась на место и стояла вновь и вновь. Так продолжалось много лет...